

Елена
Трофимчук

Ая эН

Наринэ
Абгарян

Светлана
Пригорницкая

Лариса
Романовская

Александр
ПОДОЛЬСКИЙ

Эмилия
Галаган

и другие

ОТКРЫТЬ 31 декабря

Новогодние рассказы о чуде

В поддержку
благотворительного фонда

**Александр Подольский
Ая эН
Елена Трофимчук
Лариса Романовская
Наринэ Абгарян
Светлана Пригорницкая
Эмилия Галаган
Открыть 31 декабря.
Новогодние рассказы о чуде
Серия «Праздник-Праздник»**

<https://litres.ru/71134309>

*Открыть 31 декабря. Новогодние рассказы о чуде:
ISBN 978-5-17-168398-6*

Аннотация

<r>Люди ждут чуда. В преддверии Нового года и Рождества и все остальные месяцы. Ждут маленькие и взрослые. Наивные и серьезные. Верящие в Деда Мороза и нет.</r> <r>Подсознательно, иррационально ждут, что вот-вот произойдет что-то волшебное и жизнь изменится к лучшему.</r> <r>Одинокие встретят родственную душу. Болеющие

поправятся. Растерянные найдут смысл жизни. Отчаявшиеся – поверят в себя.</p><p>И чудеса случаются. Потому что так и должно быть.</p><p>В этой книге мы собрали целую коллекцию историй о самых разнообразных предновогодних чудесах. И пусть каждый читатель найдет здесь частичку чуда для себя.</p>

Содержание

Вместо предисловия	6
Лариса Романовская	7
Эмилия Галаган	12
Наринэ Абгарян	31
Лев Усыскин	40
Юлия Ефременкова	57
Ая эН	68
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Открыть 31 декабря. Новогодние рассказы о чуде

© Авторы, текст, 2023, 2024

© Межова Ю. С., ил., 2023

© Соловьева С. А., ил. на обл., 2024

© ООО «Издательство АСТ», 2024

Вместо предисловия

Люди ждут чуда. В преддверии Нового года и Рождества и все остальные месяцы. Ждут маленькие и взрослые. Наивные и серьезные. Верящие в Деда Мороза и нет.

Подсознательно, иррационально ждут, что вот-вот произойдет что-то волшебное и жизнь изменится к лучшему.

Одиноким встретят родственную душу. Болеющие поправятся. Растерянные найдут смысл жизни. Отчаявшиеся – поверят в себя.

И чудеса случаются. Потому что так и должно быть.

В этой книге мы собрали целую коллекцию историй о самых разнообразных предновогодних чудесах. И пусть каждый читатель найдет здесь частичку чуда для себя.

Лариса Романовская

Январские феи и фейерверки

Наташе и Верочке Миловановым

У Вари во дворе гремят фейерверки. Грохочут. Взрываются праздничными искрами.

Грррррр! Фырк! Урррррра!

Петарды!

Фейерверки!

Варя любит слова, в которых много «эр». «Вар-ва-ра», например.

Ско-ро пер-во-е ян-ва-ря. В слове «января» есть еще одна «Варя». Маленькая, как фейерверковая фея. Фея носит платье из конфетного фантика, серебряное, летучее... Варя прячет фантик в карман куртки. На Варе сейчас куртка и шапка, хотя она не на улице.

Варя и папа вышли на балкон с бенгальскими огнями. Это такая трррррр... традиция. В прошлом году так было, и в позапрошлом, а до этого Варя засыпала до Нового года и просыпалась сразу с подарками.

Если смотреть новогодней ночью с балкона во двор, то машины похожи на снежных чудовищ. А если смотреть с бал-

кона на комнату, то она странная. Будто не твоя. Или не ты смотришь, а Дед Мороз.

Вот Варина комната, с елкой, с гирляндами на окне, с собакой на диване. Варину собаку зовут Розочка. Розочка – йоркширский терьер. Розочка любит спать на диване.

Над диваном тоже гирлянда, она мигает синим и оранжевым, красным и зеленым. Собака Розочка от этого света совсем сказочная. Будто не йорик даже.

Может, сказочность наступает не только от гирлянды, но и от музыки? Тоже традиция, у них на каждый Новый год много-много Чайковского. Когда мама включает эту музыку просто так, например летом, Варя сразу чувствует запах елки.

Из комнаты слышно Чайковского, пахнет елкой и уткой в апельсинах. На балконе идет снег.

Папа зажег бенгальский огонь для Вари, а потом свой от Вариного. Искры как посыпались! Папа махал рукой, искры летели во все стороны...

– Папа, ты кому машешь?

– Деду Морозу! Чтобы видел, на какой балкон кидать подарки.

– Тогда маши сильнее!

Папа поднялся на цыпочки из тапочек и еще сильнее замахал своим огоньком. Варя отскочила. Она забыла, что бенгальские искры не обжигают. Просто красивые. Как танец

фей!

Во дворе снова бахнул фейерверк. Небо стало таким ярким, их бенгальских огоньков почти не видно. Дед Мороз их точно различит?

Тут на балкон пришла мама, с мобильным телефоном – в нем били куранты. Внизу и наверху засияло. Двор стал синим, белым, малиновым. Если бы машины были снежными чудовищами, они бы точно проснулись и... Главное, чтобы они не испугались! Хорошо, что их Розочка совсем не боится петард и фейерверков. Она просто не любит, когда все люди собираются без нее.

Розочка проснулась, прыгнула с дивана, стала бить лапами в балконную дверь.

Мама взяла ее на руки, спрятала под куртку. Отдала Варя свой бенгальский огонь, а папе – мобильник с курантами. А небо было таким ярким, что, если Дед Мороз сейчас где и пролетал, они бы его не разглядели. И как подарки в окно влетали – тоже не было видно. Наверное, из-за искр.

Варя вошла в комнату, а под елкой – большая желто-зеленая «ватрушка», и еще пакеты, и еще коробки, и от гирлянд все совсем таинственное. И пахнет уткой в апельсинах.

Варя сказала, что будет праздновать в «ватрушке». Взяла туда свою тарелку с салатом и стакан с тархуном. Он зеленый и тоже очень новогодний. Специальная елочная газировка!

Странно посреди комнаты сидеть в «ватрушке». Вроде си-

дишь, а вроде немного с горки едешь.

Фейерверки гремели, грохотали, взрывались, переливались...

Фей-ер-верк... Как будто феи в вихре танцуют.

Варя засыпала и думала про фей. А за окном грохало. Яркое в праздничной темноте.

Приходил январь.

Первое января. Белое утро.

Варя, мама, папа и собака Розочка стоят во дворе. У папы «ватрушка», у мамы – поводок.

Тут пахнет петардами, фейерверком, праздником.

На снегу следы хлопушек, много серебряных монеток и золотых сердечек. Береза нарядная, в мишуре и серпантине.

В квартирах нарядные елки и гирлянды, а во дворе – праздничная береза, с яркой картонной кормушкой. Хорошо бы в кормушку прилетел красный снегирь!

Варя видела снегирей в вагоне метро, в декабре. Уже в прошлом году! В метро ехал праздничный поезд. Там шарики, мишура, гирлянды. И на дверцах снегири нарисованы. Красные, праздничные. Вот бы такого увидеть!

Ветер качает ветку с кормушкой.

– Папа, мама, давайте ждать снегиря?

Собака Розочка прыгает, тянет поводок... У Розочки розовая курточка. И звонкий лай. От такого все снегири про-

летят мимо кормушки.

Варя, мама, папа и собака Розочка идут дальше, по двору, мимо сугробов. Некоторые сугробы – это машины. На них снег вперемишку с сердечками и монетками. Наверное, новогодней ночью машины все-таки превращались в волшебных зверей. Кроме них, во дворе никого нет.

Горка в сквере, через дорогу. Тут тоже пусто.

– Поехали! Обе садитесь!

Папа ставит «ватрушку» на снег. Варя и мама забираются внутрь. С мамой весело и тесно.

Если обернуться, то видно след «ватрушки» – широкий, ровный, будто здесь прополз кто-то сказочный. Пусть тот, кто пойдет следом за ними, так и подумает.

Папа бежит вперед, в одной руке ремень «ватрушки», в другой – поводок Розочки.

В сквере очень тихо. Они тут одни.

Слышно, как у Вари в кармане шуршит серебряный фантик. Вчерашний, с балкона. Не надо заглядывать в карман, а то мало ли... Вдруг там правда январские бенгальские феи?

Не надо заглядывать.

Пусть феи спят до темноты. У них сегодня еще один фейерверк.

Эмилия Галаган

С Новым годом, Crazy Frog!

Куда ты больше всего хочешь попасть, там и есть твой дом. Только на небеса мало кто рвется. И правильно: глаза от сини беспредельной режет, ветер до костей продувает, тучи-кучи летать мешают и музыка так себе...

Но он давно в ангелах, привык, уже и не помнит, кем был раньше и как сюда попал...

Лиза стояла у зеркала в прихожей и выбирала, какой из двух шарфов надеть: зеленый, эффектно контрастирующий с ее медно-рыжими волосами, или алый, который будет горячо пламенеть на фоне засыпавших город снегов. Помимо этой дилеммы, ей предстояло решить еще один вопрос: что делать с внезапно нагрянувшей в гости Танькой?

– Вот куда тебя теперь?

Танька вздохнула и виновато повела плечами:

– Я это... В городе остаться хочу... Типа квартиру снять, может...

– Не знаю, чем тебе и помочь... Я бы предложила у нас пожить, но как раз на праздники должны приехать родичи Вадика... Мать, тетка, племянник – толпа народа...

– Да я это...

– Ты ж мне не чужая... Просто положить тебя сейчас некуда...

Серьги в Лизиных ушах качнулись, как и те внутренние весы, на которых она всегда взвешивала каждое решение: алый или зеленый? Положить Таньку на раскладушке в кухню или все-таки отправить восвояси? И принесло же ее не вовремя. Танька – юное создание с коротко стриженными огненными волосами и тоннелями в ушах – была дальней родственницей Лизы. Родом они обе из маленького городка, зависшего между двумя областями. Летом Танька приезжала подавать документы в институт, но не прошла по конкурсу и теперь вот валяла дурака (искала себя) и ругалась с родителями.

– Тань, может, ты бы ехала домой, а? А после праздников приезжай – примем как родную... Я тебе на билет дам...

– Ну... Даже не знаю... Может, типа к кому на хату можно? У меня деньги есть... Заработала, соседке помогала, с малыми сидела...

– В гостиницу попробуй, если тебе так уж приперло, но мне кажется, там цены космические...

– Слушай, а че там с этим... С Олегом?

Лиза поежилась: к душе прикоснулась память, а руки у нее, как у покойника.

– Что-что... Ничего... По-прежнему. Бизнес свой ведет. Если, конечно, будка, где технику ремонтируют, это бизнес... «У Паши», при входе на рынок привокзальный...

Они встречались три года. Все так красивенько было: они друг у друга первые, цветы, прогулки по городу. Лиза думала, что они поженятся после института (он учился в политехе, она – в педвузе, классическая пара). Немножко нелепо, но она даже переживала, что у их дочери будет такое неудачное отчество – Олеговна. Оле-чего-чего? – говна! Задразнят же! Лиза даже мысленно проводила с ней, с дочерью, разъяснительные беседы, чуткие, доверительные: «Доченька, у тебя чудесный папа и прекрасное отчество!»

Но все пошло не так. Когда Лиза и Олег учились на третьем курсе, зимой, только снег выпал, случилась беда – машина, в которой ехали родители Олега и его маленький брат Гоша, попала в аварию. Погибли все.

Лиза понимала, что любимому тяжело. Немножко стыдно: лелеяла надежды, что именно она своей заботой и любовью отогреет его сердце, замерзшее мгновенно до самого дна. Она старалась, старалась изо всех сил! Но Олег ушел в себя, стал резок, как напуганный. Она так хотела спасти отношения, но... Он просто наплевал на все! Бросил институт, отслужил в армии, вернулся. Устроился работать в эту будку на рынке: в технике разбирался.

Олег не бросал Лизу, но и предложения не делал. А она познакомилась с Вадимом, тот начал ухаживать... Лизка какое-то время встречалась параллельно с обоими (немножко некрасиво, но что поделать: как выбрать, не сравнив?). Вадик нравился ей куда меньше Олега, но... Вадик сделал

предложение! И Лиза согласилась.

Все должно происходить вовремя: образование, замужество, дети. Упустишь что-то – и все, жизнь расшаталась, как та старая табуретка, на которую недавно Вадик встал, чтобы надеть на верхушку елки звезду. Хрясь – и лежишь на полу, смешно и больно.

Да, муж гораздо старше нее, некрасив, неуклюж, и эта мерзкая привычка повторять все по триста раз...

...а у Олега и чувство юмора, и ямочка на подбородке, и глаза зелено-голубые, весенние...

Те-ле-фон. Резкая танцевальная мелодия, мысли разрезаны, как шредером. Выброшены в мусорку. Туда им и дорога.

– Лиз, ты это... Выходишь или нет?

– Я иду.

– Лиз, поезд в шесть. Уже выходить бы надо.

– Я иду, иду.

– Лиз, в шесть прибытие. Все-таки уже пять тридцать. А они ж не местные... Еще уйдут с платформы, потом ищи их...

– Иду уже! Таню еще подкинем.

– А успеем? В шесть же...

– Успеем. Ей тоже на вокзал. Тань, слушай, а хочешь шарф? Смотри, тебе как пойдет... Бери, бери, это тебе на Новый год... Мы уже идем, Вадь, спускаемся...

Пока Танька что-то там запинаясь про то, что она-то без подарка, Лизка быстро обмоталась алым шарфом и утащи-

ла Таньку за собой. Смешная она, конечно: тощая, долго-вязая, рукава куртки ей, кажется, коротковаты, а неловкие красные руки не с первого раза умудряются ухватиться за собачку молнии... Но зеленый шарф с ее оранжевыми волосами сочетается замечательно!

Комната казалась большой из-за того, что была полупустая – как кажется огромной жизнь, когда тебе лет десять и ты еще не думаешь про деньги, работу и прочее, а просто тусуешься целыми днями на улице с друзьями. Из мебели тут присутствовал только здоровенный диван, как будто вросший в стену. В углу валялось несколько коробок и сумок – постояльцы забыли. Олег сказал, что сдавал комнату в основном торгашам, которые останавливались ненадолго, распродавали товар на рынке и отчаливали. В соседней комнате жил он сам, а точнее – просто ночевал посреди завалов всяких запчастей от телефонов и ноутов.

Танька считала, что ей дико повезло. Она ж неспроста спросила Лизку об Олеге: кто-то из их, райцентровских, напел, что Олег вроде как сдает комнату в городе. Вот Танька и хотела прощупать почву... А Лизка тут же решила, что Таньке интересно, как он там и чего (нет, ну конечно, интересно, все знали про то, что они с Лизкой мутили, а потом разбежались, но сейчас Таньку волновало другое). В общем, хитрый маневр завести разговор об Олеге, а затем невзначай перевести тему на аренду жилья не сработал, и Таньке при-

шлось идти на рынок наудачу. Все-таки тут не их городишко, где нужного человека найти – дело плевое, а го-о-ород – народу тыщ сто, огромное многообразие Олегов, ищи-свищи нужного. Но судьба была на ее, Танькиной, стороне: у входа на рынок ей сразу попалась на глаза будка с вывеской «У Паши». Сидевший внутри мужик на вопрос, можно ли позвать Олега, просто крикнул: «Оле-е-ег!» – и чудо свершилось.

Лизкиного бывшего Танька раньше видела несколько раз, но запомнила другим: нагловатым, как все городские. Глаза у него были какие-то насмешливые, с подколкой. Вот бывают глаза с поволокой (что это такое, Танька не знала, но фразу слышала), а бывают – с подколкой. Сейчас Олег стал как-то попроще: куртка на нем потертая, шапочка на глаза надвинута. Смотрит тяжеловато, не с подколкой уже, а даже с наездом. Но Танька не стушевалась, спросила о комнате – и выяснилось, что как раз сейчас она свободна.

Значит, судьба Таньке остаться в городе. А то она уже думала, что придется тащиться обратно с позором. Уж дорогие родственнички позлорадствовали бы! Известное дело: как родичей ни корми, а лучший десерт для них всегда – Танька. Ну а кого еще жрать, как не ее: в универ не поступила, выглядит как пугало. Танька огрызалась-огрызалась, а потом психанула и дверью хлопнула. Хорошо хоть заначку с собой взяла.

Сейчас гнев на родичей начал подостывать, к тому же Таньке было как-то стыдно перед человеком, у которого

вообще никакой родни не осталось. Танька ворочалась на неудобном диване, пересчитывая ребрами пружины, и думала о том, что подарков в этом году она никому дарить не будет. Ну их всех! Эта свобода показалась ей такой же блаженной пустотой, как и сон, в который она провалилась.

Утром, однако ж, все тело болело. Ступив с дивана на пол, Танька ощутила всю прелесть соприкосновения с грубой действительностью в виде давно немытого пола. Может, прибраться тут? Домовитостью Танюха не отличалась, но когда заняться особо нечем, как говорится, почему бы и не?

Выпив пару кружек чая на кухне (там тоже был бардак), попялившись какое-то время в пыльное окно и погладив дремавшую на подоконнике бело-рыжую кошку (той, похоже, как и Олегу, все было до фонаря), Танька взялась за дело. Сумки и коробки из угла она вынесла в коридор: спросит у Олега, может, он разрешит их выбросить. В комнате они ее нервировали, как случайно запавшие в голову фразочки родственников, которые перебирали все ее косяки и подрывали самооценку. Затем она подмела пол, поднимая клубы пыли истрепанным веником, нашла какое-то ведро и тряпку и принялась за уборку.

Разбуженная тяга к чистоте внезапно столкнулась с препятствием – под диван не пролезали ни веник, ни рука с тряпкой. Танька преисполнилась решимости отодвинуть от стены этот предмет давно не мягкой мебели. Однако пенсионер стоял на своем, как ее дед, когда в споре величие СССР

отстаивал. Танька поднажала. «Обои обдеру, пол поцарапаю – все разворочу, но тебя, гад, сдвину», – думала она. Все ее упорство и желание изменить свою жизнь почему-то сосредоточились на этом огромном старом диване. Еще, еще чуток! И вот он наконец-то сдвинулся, открыв Танькиному взору суверенное государство пыли и мусора. Какие-то бу-мажки, фантики от конфет, ссохшийся, как мумия, огрызок яблока, несколько ручек и мобильник. Серебристый «Сам-сунг», старенькая модель. Похожий был у Таньки классе в пятом, может, дома до сих пор где валяется. Вроде хрень, а в помойное ведро не отправишь.

Танька в задумчивости вертела телефон в руках.

В замке щелкнуло, открылась дверь.

– Это я, не бойсь, надо взять кой-чего...

Дверь в комнату была как раз напротив входной, поэтому Олег сразу заметил и оценил Танькин подвиг:

– Фигасе, ты Халк!

Танька хотела пошутить, что это она еще не завтракала, как Олег заметил в ее руке телефон.

– Нашла. За диваном, – пояснила она.

Все-таки какой неприятный у него взгляд! Танька почувствовала себя виноватой, как будто она этот телефон стырила.

Олег взял телефон, повертел в руках.

– Не может быть!

Нажал на кнопку включения. Телефон не отреагировал.

– Сейчас...

Олег ушел в свою комнату и вернулся с зарядным устройством. Тут же, за диваном, нашлась розетка, в которую он воткнул шнур зарядки. Телефончик начал заряжаться.

– Если это он... Десять лет за диваном пролежал, по ходу. Я думал, он его с собой взял. Это брата моего. – Олег поднял глаза на Таню. – Мелкого.

Таня кивнула. Телефон его брата. Который того... погиб. Жуть, блин. Ну и находочка...

– Я мебель и вещи раздал и распродал. Стенку всю. Стол письменный. Игрушки. А диван хотел вынести на помойку, но прикинул, что он в дверной проем не пройдет, надо наличник снимать. На хрен этот геморрой? Пусть стоит, думаю. Этим, с рынка, спать сойдет.

– Жестковато вообще-то.

У человека вся семья погибла, а ей спать жестко. Танька мысленно обозвала себя debilкой. Но с другой стороны... Олег должен знать: это для него, судя по всему, умерли все ощущения – а для других нет. Другим было жестко, скользко, холодно, жарко, больно, приятно, страшно и еще по-всякому.

Телефон заряжался.

Танька понимала, что Олегу очень страшно, но он не отступит. Где-то на краю памяти вспыхнула история про кента, что полез в ад за женой... Надо было уходить не оборачиваясь, они шли-шли, но она все-таки обернулась и стала

соляным столбом... Или он обернулся? Все в башке перепуталось, только одно ясно – вертеться не вариант.

Олег нажал на кнопку включения. Пароль оказался не нужен.

– Гошка диктофон любил... Там лимит, запись может длиться всего пару минут. И он вечно записи делал, одну за другой.

Голоса перебивали друг друга, тыкались локтями, как в переполненном автобусе:

– Ты собираешься? Опаздываешь уже! – Женщина.

– Да! – Мужчина.

– Гоша, доедай давай! – Женщина.

– Тут сигареты лежали на холодильнике, кто взял? – Мужчина.

– Я тебе говорила: прячь свои сигареты! Олег, ты? Гошке не дотянуться! – Женщина.

– Гошка типа совсем тупой: не мог взять табуретку, да? – Молодой парень, в котором Таня не сразу опознала Олега.

– Ага, Гошка взял и скурил... Олег, если узнаю, что ты куришь... – Женщина.

– Ма-ам... – Олег.

– Я все съел! – Ребенок.

– Умница, Гоша! Олег, если узнаю, что ты куришь... Никаких тогда карманных денег на гульки-танцульки с этой твоей Лизкой... – Женщина.

– Слушай, а ты не видела, я ключи свои куда в последний

раз ложил? – Мужчина.

– А вон что лежит? – Женщина.

– Это Олеговы. Мои с брелком... – Мужчина.

– Может, упали? За тумбу? – Женщина.

– Смотрел уже.

– Кошка, наверно, заиграла. – Женщина.

– Или Гошка, – снова Олег.

– Гошка не кошка! Гошка не кошка! – Ребенок.

– Успокойся уже! – Женщина.

– Гошка не кошка! Гошка не кошка! – продолжал скандировать малой.

Танька боялась, что Олег заплачет. Как тогда утешать? Лизка вон не смогла. А она девушка его была. Хотя чем она утешить могла – сексом и конфеткой?

Танька подумала, что у его мелкого, как и у него, Олега, наверно, была ямочка на подбородке. А батя чувствовал себя виноватым из-за того, что курит. А мать любила, чтоб ботинки в коридоре по размеру были выстроены. Хрен его знает, почему Танька так решила.

Реветь Танька ненавидела, но себя побороть не смогла. Момент, когда первый раз шумно вдыхаешь и с всхлюпом выдыхаешь, при рыдании самый стыдный. Она затаила дыхание.

– О, сейчас... Где это? Должно же быть! Оборжешься! Ну есть же оно! – Олег пролистывал диктофонные записи. – Во!

Он нажал на воспроизведение, и из телефона понеслась

задолбавшая всех в одно лето мелодия. Дурацкое кривляние, фиг знает почему ставшее популярным.

– Тын-тырыдын-дын-тын-тын-дын-тын-дыры-дын-дын-дын-дын! Чмяо-чмяо! – детский голос перекрикивал эту кафофию. Малой типа подпевал.

Олег засмеялся.

Танька засмеялась тоже. С хлюпами и взвизгами, комкая воздух при каждом вдохе.

Они стояли и смотрели, как заряжается телефон. Танька вытирала слезы, Олег сжимал мобильник в руке и улыбался. Кривовато, но все же по-доброму.

А потом сказал:

– Сигареты тогда я взял. Врал и не краснел. – Он достал из кармана пачку, зажигалку, подошел к форточке и закурил. – Ты-то куришь?

– Не-е...

– Хочешь – кури. Кури и ври. Если есть кому врать – это хорошо. Смекаешь, голова-мандарин?

– Наврала уже.

Танька отправила мамке SMS: «Остановилась у Лизы». Мать написала: «Канфет каробочку купи и от нас приветы передай. Непей много» («И она еще стебет меня, что я в инстик не поступила!») – подумала Танька, но ответила: «ОК»).

– Некоторые договариваются: кто раньше умрет, пришлет для другого весточку с того света. Чтобы знали, что другая жизнь есть. А я не договаривался ни о чем таком, но мне

вот... – Олег кивнул в сторону лежащего на диване телефона. – Крэйзи фрог пришел.

– Лизка моя... Того... Тебя типа любит.

Танька не знала, зачем это сказала. И тут же представила, какой выглядит debilкой.

Олег зажмурился, кивнул, выдохнул дым и сказал:

– А кошка наша, кстати, жива-здорова. Раньше была такая... Кошка-обормошка... Ее Гоша с улицы притащил, как раз накануне... Имени не успели выдумать... А потом я не стал, так она и осталась кошкой... Сейчас старушка уже. Я ее к вету ношу, ей какие-то витамины колют, она и оживает. Кошка, дядь Коля, с которым мы работаем... Это все мои. Больше мне никто не нужен.

– А почему «У Паши»?

Он улыбнулся.

– Да черт его знает. Был когда-то какой-то Паша. Вроде у него дядь Коля купил эту точку, а кто он, что он – история умалчивает.

Танька смотрела, как у его ног от тающего снега собирается лужица. На кой убирала, спрашивается?

– Слушай, а может, вам все-таки нужен... Еще продавец? Или хотя б это... Уборщица?

Вадим был доволен, что удалось вытащить родню в город. Матери уже за семьдесят, несколько лет назад, после смерти бати, она пережила инсульт. Тяжело ей в деревне жить, а в

город не едет. Спасибо вон тетя Кате, что о ней заботится. Перед тетей Катей Вадик в неоплатном долгу. Забавная она, эта тетя, в легком пальтишке приехала, от холода на месте не может устоять, все как-то подпрыгивает, но – улыбается. А племяш... Так ему праздник устроить сам бог велел: дите дитем, не Лизкина оторва Танька с этими кошмарными ушами. (Кто она жене по родству, Вадим из Лизиных объяснений так и не понял, уяснил: кто-то из своих.) Племяша порадовать просто – он на лифте бы катался и катался. Никаких аттракционов не надо!

Тротуары песком в этом году посыпали плохо. Припарковавшись рядом с мэрией, на центральной площади, Вадим вел под руку мать, мысленно обкладывая трехэтажным городские власти. Хоть мама и плохо слышала, ругаться при ней вслух он не мог, не таковский.

– Вот, мам, это наша мэрия...

– Что?

– Это мэрия, мам, бывший райисполком...

– Кого потолком?

– Рай-ис-пол-ком, – он почти кричал.

– Исполком?

– Да. Теперь называется мэрия.

– Мэрия?

– Ну да, по-заграничному.

– Ох, да. Как поменялось все...

Вадим кивнул: перемен матери хватило. Перемены как го-

довые кольца на спиле дерева. Но дерево-то все равно год от года выше вырастает. А человек старится, слабеет... Тут Вадимова философия забуксовала, как машина на плохо очищенной от снега дороге. А и ладно.

Племянник с любопытством смотрел на установленную напротив мэрии елку:

– Какая... Ровная!

– Да это собрали из маленьких елочек одну большую!

– Да ну! – Глаза аж сияют. Вот те чудо, мелкий, бери и носи.

– Вадь, я зайду в универмаг, меня наши попросили купить... Вот, целый список! – Тетка переминалась с ноги на ногу. Ох уж эти женщины: как только речь заходит о покупках, так у них сразу глаза загораются!

– Идите, тетя Катя, потом наберите мне, я на машине подъеду во-о-он туда, к главному входу... Чтоб вам не тащить покупки-то!

– Ой, да не надо! Я сама!

– Теть Катя, не надрывайтесь!

– Да я что, сумок не донесу? Это с покупками-то? – засмеялась тетя Катя.

– Не сомневаюсь, что донесете, но все равно наберите мне, как выйдете. Я подъеду.

– Хорошо.

– Обязательно наберите.

Племянник все еще не донес:

– Как же ее собирали, с подъемного крана, что ли? А звездочку как поставили? – Голову задрал.

Вадим надвинул ему на конопатый нос шапку и пошутил:
– С вертолета!

Предновогодний вечер всегда одинаков: орет телевизор, стучат на кухне ножи – Лиза и тетя Катя крошат салаты. Вадик для сугреву выпил рюмочку – после боя курантов можно уже основательнее накатить, хотя до скотского состояния он никогда не напивался, не таковский. Мама смотрела телевизор, повернув голову так, чтоб лучше слышать, правое ухо у нее чутко́е, как она сама говорит. Мелкаш играл со своим этим... Роботом ходячим. Вадим подарил, уж очень малой смотрел просительно. Ну, не дожидаясь полуночи, все раздарил, чего уж... Подарки ведь чем раньше вручишь, тем лучше. Маме он к празднику ремонт в кухне справил, тетя Кате – пуховик хороший, она, конечно, долго отнекивалась, но он ее все-таки уломал. Для Лизки Вадим подготовил подарок посolidнее —

смартфон. Дорогой, зараза, молодежь такие в кредит берет, но Вадим сразу рассчитался, не нищий, чего там...

Лиза показалась из кухни с салатником в руках.

– Это что?

– Салат из морепродуктов!

– А оливье-то будет?

– Будет, будет!

– Точно?

– Точно!

– А то что за Новый год без оливье...

Лиза покачала головой и улыбнулась, дескать, и как ты, муж, можешь меня в таком подозревать, чтоб я про оливье забыла? Вадик залюбовался женой: красивая она, ладная. Даже фартук ей идет. Это первейший признак хорошей жены, как по Вадиковой мерке.

Он до сорока лет бобылевал. Все мама против была: та вертихвостка, та охотница за приданым. А он жених-то завидный, должность у него на заводе хорошая. Вадик слушался, маме лучше знать, она сама женщина, стало быть, своих товарок по полу лучше понимает. Лизка маме сначала тоже не понравилась – молодая да вертлявая. А потом, как у мамы инсульт случился, так она к Лизке и переменилась. А может, и Лизка сама как-то поспокойнела, посерьезнела. Словом, хорошо все сложилось, а то ведь к Лизке Вадим сильно прикипел, даже, может, и против мамы пошел бы, если б та не переменила мнения...

Где-то на диване, под подушками, надрывался Лизкин телефон. Она не сразу отреагировала на звонок: непривычно, телефон новый, другая музыка на звонке, не те буги-вуги, что раньше. Когда она нагнулась, чтоб достать телефон, Вадик легонько хлопнул ее по задку. Лизка скорчила смешную гримасу и выразительно посмотрела в сторону Вадиковой мамы, дескать, муженек, вежи себя прилично при представителях старшего поколения. Ответила на звонок:

– А, что? Нет, твои не звонили. Нашла работу? Молодец! Ничего себе! Ну и как он? Да... Сказала и сказала. Забудь. Привет передавай. Ага. Сидим. Вся семья Вадикова. Да, весело. И тебя с наступающим! Танька работу нашла, – сказала Лиза Вадиму: отчиталась перед мужем, кто звонил.

Вадим кивнул. Он не был ревнив, но ему льстило, что жена у него такая ответственная. Ничего за его спиной. Все открыто, честно.

– Танька твоя, конечно, без царя в голове, – затянул он, – но, может, и с нее толк будет...

– Да-да...

– Девка бедовая.

Лиза вздохнула, соглашаясь, и тут же спохватилась:

– Теть Кать, курицу пора доставать! Хоть бы не сгорела!

А после боя курантов, когда все чокались бокалами с шампанским, Лизка вдруг повернулась к Вадиму, посмотрела решительно, как будто на войну добровольцем собралась идти, и сказала:

– Вадь, а давай ребеночка заведем?

Вадим, вдруг осознавший, что это – тот самый подарок, которого он давно ждал, подхватил жену на руки и закружил по комнате, тетя Катя, у которой смешно покраснел кончик носа, опрокинула в себя рюмочку водки, а племянш, не разобравшись в причинах всеобщего веселья, вопил не затыкаясь: «С Но-вым го-дом! С Но-вым го-дом!» И только старушка мама, кажется, ничего толком не понимала...

Когда нет света, тьму побеждает снег. Дядя Паша все сыпал и сыпал вниз мешок за мешком, тын-тыры-дын-дын-дын-дын.

Наринэ Абгарян

Один: белый¹

Иногда казалось, что тетка ненавидит весь белый свет. Владельцы магазинчиков, бухгалтерию которых она вела, были не иначе как идиотами. Инспекторы пенсионного фонда и налоговой службы – жуликами. Операторов банка она обзывала недоумками. Вежливого молодого человека, заглядывающего раз в месяц за показаниями счетчика холодной и горячей воды, – раздолбаем. Родной городок был для нее исключительно захолустьем, дорожные рабочие, долбящие смерзшуюся землю, чтобы сменить лопнувшую трубу, – нищebroдами, а предновогодняя суета, затянувшая в свой лихорадочный круговорот людей, – языческой вакханалией. Что не мешало ей, вооружившись списком для праздничного стола, ходить по лавочкам и скупать продукты и милые сердцу безделушки, как то: нарядные салфетки, разноцветные свечи, рождественские веночки, открытки, силиконовые формочки для выпечки и переливчатую канитель. И конечно же, гофрированную бумагу, в которую нужно было заворачивать подарки.

Елку, правда, тетка никогда не ставила и в этом году исключения делать не стала, хотя бабушка ее об этом очень

¹ Отрывок из повести «Молчание цвета».

просила:

– Ребенку будет в радость!

Тетка была непреклонна:

– Украсим подоконники игрушками и гирляндами – будет ей радость.

Астхик обижаться не стала, потому что знала: искусственную елку тетушка терпеть не может, а срубленную из принципа покупать не станет, мотивируя тем, что это форменное извращение – хранить труп растения у себя в доме. «Самая красивая ель – та, которая растет в лесу. А не та, что торчит из ведра с песком, увешанная игрушками и гирляндами!» – объяснила свою позицию она. Астхик ее доводы вполне устраивали.

Подготовка к праздникам – Новому году и Рождеству – растянулась на целую неделю. Сначала в квартире произвели генеральную уборку, перемыв все окна, начистив до блеска ванную комнату, перестирав и перегладив белье и натерев паркетные полы пахнущей хвоей мастикой. Потом настала пора готовки и выпечки. У плиты в основном вертелась бабушка. Работы в этот раз было особенно много – во-первых, часть припасов мама с теткой собирались отвезти папе, ну и к традиционным визитам нужно было подготовиться: новогодние праздники – пора гостевания, а гостей не принято было выпроваживать голодными.

Уроков перед праздниками особо не задавали. Быстро справившись с ними, Астхик, сунувшись на кухню и стянув

мятный пряник, убежала играть с Левоном. Первым делом они наведывались во двор церкви, чтобы полюбоваться рождественским вертепом. Иосиф и Мария не отрывали любящего взгляда от завернутого в лоскутное одеяльце младенца, горели свечи, хлев обступали плохонько слепленные глиняные животные, и нужно было сильно постараться, чтобы отличить вола от овцы.

Густо снежило, потому балдахин, натянутый над Святым семейством, приходилось постоянно отряхивать. Для этого несколько раз на дню из церкви выдвигался священник тер Тадеос, неся под мышкой обмотанный мягкой тканью веник. Длинная ряса развевалась широкими полами, на груди качался маятником крест. Следом ковылял церковный сторож, неся стремянку. Пока тер Тадеос орудовал веником, страхи-вая с шатра снег, сторож поддерживал стремянку и притворно вздыхал, подмигивая собравшейся вокруг детворе:

– Тер Тадеос, а ведь по нам можно время сверять!

– Это почему? – не подозревая подвоха, отрывался от работы священник.

Сторож потирал кончиком указательного пальца крючковатый нос, глядел вверх, запрокинув голову, чтобы поймать взгляд священника:

– Мы с вами словно ходики с кукушкой: каждый час из церкви выскакиваем! Неплохо было бы при этом еще и куковать, но вас же не заставишь!

– Размик, ты опять за свое?

Детвора хихикала, тер Тадеос, сердито пыхтя, стряхивал веником снег, сторож, посмеиваясь, подпирал плечом стрелянку.

В перерывах между чисткой балдахин превращался в наст, который, к вящему недовольству тера Тадеоса, облюбовал его же петух. Дом священника находился в двух шагах от церкви, и повелитель курятника, грозный золотисто-черный крикун, видимо, решив разделить с хозяином его заботы, повадился наведываться во двор церкви. Обычно он недолго прогуливался по газонам, снисходительно ковыря-

ясь там и сям желтым клювом, потом, взлетев на балдахин, сидел там, злобный и нахохленный, победно обкукарекивая всякую мимо проезжающую машину. Притом, чем больше была машина, тем громче звучал его задиристый крик.

В какой-то миг у тера Тадеоса заканчивалось терпение, и он выскакивал из церкви, размахивая веником, словно кадиллом. И тогда детвора очень веселилась, наблюдая за тем, как улепetyвает, надрывая глотку, пронзенный до глубины души хозяйской неблагодарностью петух. Отогнав его на безопасное расстояние, священник возвращался, утирая рукавом выступивший на лбу пот. Проходя мимо хихикающих детей, он неизменно осенял их крестом и, обозвав оболтусами, скрывался за тяжелой церковной дверью.

Полюбовавшись тертадеосовским бегом по пересеченной местности, Левон с Астхик уходили на игровую площадку,

где, вдоволь накатавшись на ледяных горках, расходились по домам. Иногда Астхик заглядывала к своему другу домой – перекусить бутербродами, выпить какао или, если бабо Софа была в снисходительном настроении, – кофе с молоком (кофе давали детям крайне редко). Гево, стараниями младшего брата освоивший игру в разноцветные камушки, удивлялся новыми навыками. С недавних пор он научился складывать математические фигурки, строго закрепив за каждой свой цвет: треугольник у него всегда был желтым, квадрат – зеленым, круг – красным. Обратив на это внимание, Левон совсем не удивился, более того, немного поразмыслив, выбрал из ведерка коричневые камушки и сложил их в форме прямоугольника. Гево с благосклонностью новую фигуру принял.

– Как ты догадался? – опешила Маргарита, сестра Левона и Гево.

Левон возвел глаза к потолку, пытаясь подобрать слова для доходчивого объяснения.

– Вот смотри: когда ты думаешь о шоколаде, ты уже знаешь, что он сладкий и очень вкусный, правильно? Ты даже чувствуешь его вкус у себя во рту.

– Н-наверное, – неуверенно согласилась Маргарита, обещав себе в следующий раз обратить внимание на свои ощущения, когда вспоминает о шоколаде.

– Так же и с цветом. Если правильно представить его – сразу понимаешь, какая у него форма. Какая цифра. И какая

музыка.

– Музыка? Да ладно! И какая, – Маргарита призадумалась, – музыка у белого цвета?

– Что ты разучивала в декабре? Ты еще расстраивалась, что учительница недовольна, потому что тебе не удастся держать ровный темп.

– «Лунный свет» Дебюсси. Крохотный кусочек.

– Ага. Так вот, тот кусочек – белый.

Астхик, присутствовавшая при этом разговоре, не встревала, но слушала внимательно, не переставая удивляться тому, до чего же чудной мальчик Левон. И сколько в нем такого, чего нет в других детях. О его особом восприятии мира она узнала совсем случайно, когда они попали под густой снегопад. Хлопья были огромные, казалось – в половину ладошки, падали медленно и нерешительно, будто сомневаясь – вдруг перепутали время года. Левон поймал одну такую снежинку на варежку и, полюбовавшись ею, пустил кружиться дальше. А потом посмотрел вверх и выдохнул: «Воздух такой один!»

– Одинокий, – поправила Астхик, тоже посмотрев вверх.

– Одинокий?

– Ну, ты сказал – воздух такой один! Правильнее одинокий, разве нет?

– А! Я имел в виду не одиночество, а цифру «один». Единицу. Она белая, как и воздух, когда падает снег. Слушай, тут такое дело...

И Левон рассказал ей о своей синестезии. Она слушала, приоткрыв от удивления рот. Дослушав, решила сострить, чтобы скрыть свое замешательство:

– У вас в семье все необычные? Может, вы все – инопланетяне?

Левон захихикал:

– Ага. Особенно бабо Софа!

Астхик, расположившись напротив Гево, наблюдала за тем, как он, совершенно не уставая от однообразия своего занятия, собирает пирамидку или играет в гальку. Иногда он умудрялся совмещать два своих любимых занятия: складывал камешки в форме своей деревянной пирамидки, в строгом соответствии с цветом и очередностью колец. Однажды Левон, устроившись рядом, выложил свою пирамидку, где в самом низу располагался ряд из десяти оранжевых камешков, далее по убывающей следовали остальные цвета. На самом верху одиноко лежал белый камешек.

Гево, изучив пирамидку, обиженно закричал.

– Что не так? – переполошился Левон и собрался было уже сгрести гальку, но брат его опередил. Ненадолго зависнув рукой над его пирамидкой, он провел пальцами между синим и коричневым рядами, разделяя их.

Левон чуть не поперхнулся. Волнуясь и торопясь, он сложил камушки таким образом, как показал ему старший брат. Теперь пирамидка выглядела так, будто ее разрезали ножницами, отделив низ от верха. Гево, изучив ее, одобчительно

загулил и вернулся к своему занятию. Возликовав, Левон побежал рассказывать родным о случившемся, Астхик же решила сверить узор его пирамидки с таблицей-напоминалкой,

которая висела на стене. Синий – восемь, коричневый – шесть. Между ними – пустота, седьмой ряд отсутствует...

– Я же говорил, я же говорил, что семерка бесцветная! Гево это чувствует, Гево это тоже знает!!! – подпрыгивал нетерпеливо Левон, подталкивая в спину всполошенных деда с бабушкой.

– Чудны дела твои, господи! – развел руками дед, изучив пирамидку и наконец-то сообразив, что именно ему пытался толковать внук. Бабо Софа, расцеловав Левона в обе щеки и отправив воздушный поцелуй Гево, на радостях принялась за песочное тесто. «Будут вам миндальные рогалики к ча-а-аю!» – напевала она, рубя холодное сливочное масло острым ножом.

– Может, к кофе с молоком? – хитро прищурился Левон.

– Не налей! Вчера пил!

Астхик захихикала.

– Надеяться на чудо, конечно, бессмысленно, мы не в том положении, чтобы тешить себя наивными иллюзиями. Но по крайней мере теперь есть какие-то зацепки, которые позволят вам, в первую очередь полагаясь на чутье Левона, попасть в эмоциональную волну его брата, – объяснил недавно доктор.

Семья Левона изо всех сил притворялась, что не верит в чудеса. Но Астхик знала, что это не так. Даже самое незначительное, самое крохотное изменение в поведении Гево воспринималось его родными предвестником чего-то большого, обнадеживающего, прекрасного. Астхик их понимала. Она сама очень хотела, чтобы случилось несколько чудес. Чтобы папу выпустили раньше. Чтобы тетка полюбила маму. И чтобы нашелся новый дом, с большим яблоневым садом, где круглый год будут расти незрелые яблоки и где они счастливо будут жить всей своей семьей.

Лев Усыскин

Город дышит

Попытка святочного рассказа

– Не надо больше. Слышишь, Тема, – не надо. Это уже театр какой-то – я не хочу так. Зачем портить то, что было, у каждого своя жизнь теперь, правда. Видишь ли, мне теперь неинтересно все это... Ну, как бы тебе объяснить? Ну, неинтересно, и все тут. Считай, что меня нет, так будет лучше, ей-богу. Договорились? Прости, мне пора собираться, пока. Нет, не надо звонить, я же сказала... Ну, Тема, ну ты как маленький. Все, прощай.

На площадке четвертого этажа кто-то вывернул лампочку – синий промозглый полумрак охватил его тотчас же, едва лишь золотистый прямоугольник дверного проема сузился за спиной, сперва – в щель, а затем и исчез вовсе. Артем поправил воротник, нащупал в кармане куртки недисциплинированную россыпь мелочи, порывшись в ней двумя пальцами, отыскал ключи, провел указательным пальцем по неровной латунной бородке и после этого, кажется, успокоился совсем.

«Все путем, господа – бабы приходят и уходят, мирозда-

ние вечно».

Он пошел вниз пешком, шаркая подошвами о ступеньки, – пахло мусоропроводом, кошками, усталой отрыжкой коммунальных квартир, как только и может пахнуть в наших старых подъездах зимой – и лишь на изломе лестничного пролета между вторым и первым этажами мелькнул на миг нездешним покоем таинственный запах хвои. Кто-то уже выбросил отслужившую срок новогоднюю елку...

Эфемерный январский денек еще жил во всю прыть своих молочных полусумерек – канун Рождества зиял пустотой улиц, колючим, порывистым ветром и почти что полным отсутствием снега. Город высился под невидимым с тротуаров небом каменным серо-коричневым истуканом и словно бы ждал непонятно чего: прощения ли, гибели или, быть может, просто задорной музыки нетрезвого духового оркестра, расхлябанным маршем обходящего переулки...

На улице Артем достал сигаретку (осталось пять или шесть штук, с утра большой расход – нервы), понюхал ее и, наконец решившись закурить, принялся ощупывать себя в поисках запропастившихся спичек. Однако поверхностный досмотр результата не дал – Артем хмыкнул, остановился и начал исследовать содержимое карманов планомерно, один за другим – джинсы, джинсы сзади, куртка, куртка верхние, куртка внутри слева – и тут только вспомнил, предельно отчетливо, как вертел в руках злополучный коробок, препираясь с Зоей на кухне – подбрасывал его вверх, вращал, зажав в

углах большим и указательным пальцами, – и, наконец, с шумом прихлопнув ладонью левой руки, отшвырнул на стол...

Порывы ветра превращали улицу в подобие некоего музыкального инструмента – расщепляясь клапанами подворотен, воздушные струи врывались в колодцы дворов, порождая всякий раз какой-то особенный свист. Когда ветер смолкал, становилось тихо, как в фильмах Антониони – лишь звуки собственных шагов, чуть усиливаясь при отражении от штукатуренных стен домов, достигали слуха, словно бы отторгнутые негостеприимным пространством.

Все-таки хотелось курить, Артем прoderнул тоскливым взглядом пустую улицу, еще раз убедившись в том, в чем и так был вполне уверен: стрельнуть огоньку было решительно не у кого. В соседней подворотне девочки шести-семи лет выгуливали щенка таксы, не спуская его, однако, с короткого поводка, отчего тот все время норовил встать на задние лапы. По четной стороне – два припаркованных *vis-a-vis* автомобиля неопределенного цвета, годящиеся, очевидно, Артему в дедушки, – вот все, что напоминало о присутствии людей во Вселенной. «Дойти, что ли, до Владимирского, там киоски работают?» – подумал Артем и тут вдруг увидел человека, совсем близко, на противоположной стороне улицы. Прислонившись спиной к стене дома, он стоял недвижно, напоминая какой-то странный элемент фасадного декора. Должно быть, по этой причине Артем не заметил его сразу, хоть их и разделяло от силы тридцать – тридцать

пять шагов. Уже переходя проезжую часть, Артем смог, наконец, разглядеть черты его лица. Резкие, обрывистые, как на комниновских иконах, углы глазниц, надбровных дуг и носа, равно как и вся поза его в целом – руки в карманах пальто, правая нога согнута в колене и уперта подошвой в стену, а также еще что-то – неуловимое и трудно выразимое словами – выдавало в нем дитя Кавказских гор, конкретно – грузина или, быть может, в гораздо меньшей степени, абхаза либо чеченца.

– Эй, друг, огоньком не обрадуешь? – подойдя почти вплотную, Артем едва ли не выкрикнул, стараясь перекрыть порыв ветра. – Спички забыл в гостях.

В ответ византийский лик медленно повернулся в профиль, медленно смерил Артема взглядом, исполненным детского какого-то любопытства, после чего правая рука его медленно извлекла из кармана Ronson великолепной гонконгской ковки и, щелкнув, высекла огонь, вспыхнувший капризным, уязвимым язычком. Артем прикурил. Одновременно с этим кавказец достал из левого на этот раз кармана своего драпового пальто пачку Camel, заглянул в нее, затем скомкал в кулаке и с раздражением, словно бы какую-то настырную и надоедливую тварь, отшвырнул к поребрику.

– Послушай, у тебя есть еще? Дай мне.

Артем протолкнул еще одну сигарету, кавказец запалил ее тем же язычком пламени и тоже затянулся. Некоторое время оба курили молча, в упор глядя друг на друга.

– Вэтэр сэгодня, да? – нарушил молчание кавказец с рассеявшим все сомнения сильным грузинским акцентом. – Холодно, да?

Артем кивнул.

– Чего на улице делаешь?

Артем пожал плечами:

– Стою.

– Я вижу. Стоишь, а не лежишь. Понятно. Я спрашиваю, почему дома не сидишь, в тепле.

«Пидор он, что ли, – чего прицепился...» – подумал Артем про себя, но вслух произнес вполне нейтральное:

– С бабой поругался, вот и на улице.

Лицо грузина вдруг оживилось и, потеряв долю своей монументальности, как бы согрелось на несколько градусов:

– Да, правда? Я тоже. Такое вот совпадение, правда...

Теперь уже Артем с интересом посмотрел грузину в глаза. «Врет, поди», – подумал он.

– Абидна. Красивая! Абидна, да... Говорила – любит, а сама... Да, нельзя доверять женщине...

Артем усмехнулся:

– Эт-т-ты правильно сказал. Все они... – Артем щелчком избавился от окурка, выбранного едва ли не до фильтра: светящаяся точка стремительно описала вбок короткую настильную параболу и, вконец рассыпавшись в искры, исчезла на мостовой.

– Послушай, я тебя спрошу: ты местный? Ну, из этого го-

рода, да? Здесь живешь?

– Ну да, живу, а что? – Артем насторожился.

– Послушай... Меня Мегона зовут, я из Сухуми. Город такой, знаешь? Был когда-нибудь?

– Не-а...

– Хороший город... Только мне туда дороги нет. Понял, да?

– Беженец, что ли?

– Да, бэженец... Десять лет бэженец. – Грузин как-то странно усмехнулся. – Послушай, твое имя как?

– Артем.

– Вот что, Артем. Ты сейчас домой торопишься, да?

Артем вновь насторожился:

– Да нет, не особенно, чего мне дома-то делать – мать да бабка, они настроение не больно подымут, скорее – наоборот. А что?

– Послушай... – Мегона на миг о чем-то задумался, затем, чуть прищутив свои сапсаныи глаза, чеканными перебежками закончил фразу:

– Послушай, я сейчас ужинать хочу, так... Тут есть место одно – недалеко, там меня знают, понял?

– Да, ну и что с того?

– Что... Мне одному скучно, понимаешь, хочу тебя пригласить, так? Пойдешь?

Артем почувствовал, как нарзанный холодок неопределенности быстрой судорогой пробежал по телу:

– Спасибочки, конечно, только у меня бабок нет, голяк, стало быть, на сигареты – и то не наскрести...

Артем развел руками. В ответ Мегона улыбнулся – впервые за время их общения – короткой улыбкой великодушия:

– Э-э-э, ты не понял, да? Я тебя как друга приглашаю, так – не надо денег. Мегона будет платить за все, тебе – не надо, понял? Ну что? Согласен, как?

После Артем говорил, что две подходящие случаю пословицы, про бесплатный сыр и сладкий уксус, пришли в голову одновременно – в один и тот же миг, словно бы единым блоком – как ни пытался он, любопытства ради, выяснить, которая из соответствующих эмоций все-таки была первичной. Впрочем, последующие события в заметной степени очистили Артему память от сонма второстепенных деталей, разрыхлив тем самым почву для всяких домыслов и легкого флера преувеличений – что, откровенно говоря, и делает наши устные повествования сколько-нибудь интересными для слушателей. Так, например, Артем начисто забыл адрес ресторанчика, куда они отправились, – запечатлелось только то, что шли по Колокольной улице, потом свернули куда-то и шли еще, довольно долго. Доро́гой Мегона рассказывал какие-то невнятные истории про своих друзей, в которых фигурировали трудновообразимые денежные суммы и автомобили, все сплошь почему-то – Mitsubishi Pajero. Наконец они пришли, тучный усатый метрдотель поздоровался с Мегоной за руку, что-то пробубнил ему на ухо, от чего тот

раздался широченной улыбкой, обнажившей стаю золотых зубов, чередовавшихся со свободными от коронок собратьями с регулярностью фортепьянной клавиатуры:

– Для вас, Мегона Зурабович, кабинет свободный имеется, да, обслуживаю лично, так сказать... Постоянного клиента...

– Спасибо, спасибо, Сэрожа. – Мегона снисходительно похлопал его несколько раз по плечу. – Давно не виделись, да!

– Давайте-ка я вас провожу, и молодого человека тоже. Вслед за Сережей, ушедшим вперед утиной, разлапистой походкой давно и неудержимо полнеющего человека, они прошли мимо гардероба какими-то закоулками в зал, пересекли его наискосок, вновь оказавшись среди закоулков, где пахло особого типа борщом, который делали исстари в советских ресторанах и который никогда не варят наши бабушки, и, наконец, очутились в крохотной комнате с сервированным на четыре персоны столом посередине. Здесь Сергей их покинул.

Они разделись. Сняв пальто и сбросив его грудой на спинку свободного стула, Мегона остался в кремовом клубном пиджаке и таких же брюках, однако, слава богу, без галстука – иначе комизм сочетания был бы столь вопиющ, что, помимо воли, мешал бы восприятию слов грузина, буде они произнесены со сколько-нибудь серьезными интонациями. Он поерзал слегка на своем стуле, словно бы проверив его

устойчивость, затем поднял глаза и взглянул на Артема с уже знакомым ему сапсаньим прищуром. После он вдруг рывком снял пиджак и сложил его уверенными движениями продавца супермаркета на стул, однако Артем все же успел при этом вполне явственно и однозначно разглядеть черную, с крапчатыми боковыми накладками рукоять пистолета.

– Все в порядке, друг?

Грузин усмехнулся.

– Угу, – ответил Артем тоном, каким общаются между собой беззаботные синички, облюбовав куст барбариса в городском парке. – Все хорошо, мне здесь нравится...

Вернулся Сергей, волоча две толстые коленкоровые папки:

– Устроились? Хорошо. Итак, что будем заказывать?

Мегона придвинулся к столу, освободил две верхние пуговицы своей темно-зеленой, в черную полосу, рубашки, на мгновение сверкнув широкой, как личинка майского жука, золотой цепочкой, и взял в руки меню:

– Послушай, дорогой, скажи там волшебнику вашему, чтобы сациви нам сделал, ладно? Как в прошлый раз, хорошо, да?

Метрдотель расплылся в улыбке:

– Я постараюсь, Мегона Зурабович, да, постараюсь, все, что могу, да... Иван Борисович, он мастер, конечно, мастер, да, но очень уж капризен... Но я постараюсь его уговорить, скажу, для постоянного клиента, да. Пить что будете, Мегона

Зурабович? А аперитивчик какой – чинзано или мартини?

– ...Отец ему сказал, понимаешь... Вот ты мог бы так, если отец тебе сказал, а? А дядя у него тогда главным санитарным врачом Зугдиди работал. Я тебе скажу – это почти султан турецкий, да! Ты ешь, ешь еще – этот их Иван Борисович, да, он хорошо сделал, только луку много, моя мама бы его научила. Ну ладно. Вот слушай, мой племянник Бадри... Э-э-э, да что с тобой, ты как: себя контролируешь, да? Ну хорошо, хорошо, это Ахашени, мягкое вино, у нас его женщинам дают, в самом деле! Сладкое, да. Ну, слушай дальше – я тогда от них в Сухуми ушел, чего мне было дожидаться, понял, да? Еще тебе скажу – у Мамуки нашего аналогичный случай был – нанял он двух курдов дом ему строить, да... Ты меня слушаешь? Ну, вот, приезжает один раз посмотреть, как работают и все такое, подходит к дому – а там людей полно, машины, милиция. Ну, он как издалека это увидел, еще не знал, что к чему, – зашел в парикмахерскую и позвонил оттуда Гоги-маленькому и кой-кому из родственников, чтоб приехали, а те уж с районным прокурором связались – он как раз дочь месяц как замуж выдал...

Поток чужой речи мягко рассыпался, едва достигнув ушей Артема, блестками незамысловатых слов. Было жарко – венозный сок Ахашени делал свое дело. Вспотевшее лицо Мегоны вновь вернуло себе давешнюю иконописность, прочем, на этот раз – иконописность деревянную, против

прежней иконописности каменной, фресковой, выцветшей от времени и атмосферных кислот.

– ...Зураб и говорит ей – ай, езжай куда хочешь, с кем хочешь – но ты мне больше не сестра, понятно, да? Вот тебе пятнадцать тысяч, и чтобы ноги твоей...

Похождения бесчисленной череды знакомых и родственников, с именами, но без фамилий, из которых, впрочем, будто ножницами, было вырезано все, что сколько-нибудь могло касаться рассказчика, погружали Артема словно бы в некий теплый сказочный клейстер бытия. Было ужасно лень шевелиться, лень протянуть руку и стряхнуть пепел, оседлавший сигарету губчатой бородавкой.

– Послушай, Артем, ответь мне одну вещь, хорошо?

Артем с хрустом сжевал размашистый петрушкин хвостик.

– Ага, я тебя слушаю, да.

Лицо его горело.

– Вот послушай. Вот я живу так – мне никого не надо? Сам себе руководитель, так? Так, я говорю? Ты почему смеешься, а?

Артем успокоился.

– Нет, ничего, я слушаю, продолжай, сам себе руководитель...

Мегона весь оживился, от прежней его невозмутимости не осталось и следа:

– Скажи мне, ты здесь родился, да? В Петербурге?

– Ну да, вроде этого.

– Недобрый этот город, вот что. Недобрый. – Мегона вытер салфеткой пот со лба. – Я тебе так скажу: я в разных городах жил – и в Сухуми жил, и в Ростове, и в Киеве – везде как-то... Свои все. Приедешь – тебя накормят, спать уложат. Вот ты, например, в Сухуми приедешь – не сейчас, конечно, а когда войны нет – и живи хоть неделю, хоть месяц, хоть год живи – никто слова тебе не скажет. А здесь – все каменные какие-то. Непонятно мне это, непонятно, да.

Устало откинувшийся на спинку своего стула, он едва возвышался теперь над заставленной разноцветными объедками скатертью, несмелый, нестрашный, какой-то игрушечный смешной черноволосый носатый человечек, тщетно возжелавший создать посреди январского Петербурга крупицу своего причерноморского детства. Артему вдруг стало смешно, ужасно смешно: смешными казались застольные рассказы грузина, его акцент, его Макаров в пиджаке. Пустые тарелки на столе также вызывали смех, равно как и давно просящая замены пепельница. Он с шумом встал, взялся обеими руками за край стола и взглянул на Мегону сверху вниз:

– Послушай, друг, брат, как тебя. Видишь ли, в жизни каждого мужчины порой наступает момент, когда не сблевать невозможно. Но я не об этом. Я о трансцендентальной вибрации бытия. Вся она здесь тут: плещется себе вот в этом, кстати, данном стакане кинд... кинзм... а – да! Ахаше-

ни, вот! Просто ты, сердечный мой друган, не в полной степени улавливаешь ее сквозь поры своего пид... пиджака... Да, об этом же, кстати сказать, учили нас великие мыслители древности, закладывая камень за камнем в основание свай этого поношенного, как проститутка у «Прибалтона», города, закладывая фундаментальные... И, вообще, закладывая по-черному, да... Так вот, силясь пролить свет на отсутствие среди нас женщин в качестве объекта приложения, приходим к пониманию естественности настоящего положения. Блин, стихами запищало, ну ничего. Как говорил наш прапорщик, не все то ствол, что с дыркой. – Артем попытался восстановить равновесие, делая странные взмахи руками. – Так что, дружище, разгадка – в насущном шевелении всего вокруг, начиная с архитектурных экстремальностей местного барокко. Поверь мне, брат, – еще три века назад известные лица, опыленные властью, силились создать тут рай. Им это было – как два пальца обоссать, ан нет – тут же все расплозлось квашнею, потому что не учли – дышит! Все вокруг шевелится, дышит...

Артем выпрямился и обвел взглядом все вокруг, как бы в подтверждение своих слов:

– Что же ты, не видишь, что ли? Повсеместно!

Он с удовлетворением отметил, что предметы в комнатке – мебель, лампа, цветы в высокой – раструбом – вазе действительно словно бы шевелятся чуть-чуть. Особенно же явно бросалось в глаза шевеление посуды на столе – кофейные

чашки прямо-таки гуляли по скатерти, одна, кажется, наиболее наглая, так вот и сиганула со стола прочь, едва Артем остановил на ней взгляд.

– Это ведь черт знает что, дружище! Приходится все время быть начеку!

Он повернулся кругом, прищурился, стараясь уловить колебания стеной обивки:

– Своего рода подспудная сейсмическая активность, особенно вредит беременным женщинам и гостям нашего города...

Он сделал несколько шагов – стены кабинета словно бы расступились, пропустив его в узкую галерею, освещенную оранжевыми бесстыжими фонарями. Один из них все время мигал, издавая при этом мышинный писк. Держась за стены, Артем двинулся вперед шаг за шагом, как вдруг левая рука его утонула в чем-то мягком, вслед за этим часть левой стены отдернулась, подобно театральному занавесу, и кто-то толстый, бородатый и во фраке посмотрел на него сверляще. Артем отпрянул прочь и, как ему казалось, побежал – однако же, мгновение спустя, вдруг запутался в ворохе висящих шуб. Расталкивая их руками, он наконец выбрался к гардеробной стойке, возле которой, выгнувшись горбом и строча вокруг ненавидящим глазом, стояла гепатитно-рыжая кошка. Артем протянул к ней руку – кошка дернулась и в два прыжка ушла на бельэтаж вешалок. «Необходимо вернуть ее на место, определенно», – подумал он и полез было следом.

Однако кошка, по всему, превратилась в дамскую меховую шапку, и пролить свет истины в данном вопросе в полной мере могли лишь феи, да и то в полнолуние. Чтобы освободить руки, Артем водрузил шапку на голову и, осознав вдруг в себе способность проходить запросто сквозь препятствия, смело шагнул вперед, не обращая внимания на предательски путавшиеся под ногами пальто и куртки. Феи были где-то рядом: они сидели за столиком вчетвером, белые, нарядные, как балерины – Артем бережно поместил свой меховой трофей среди хрустальных бокалов и вазочек с мороженым. Феи радостно повскакивали со своих мест, дружно захлопали в ладоши и, как показалось Артему, запели. Больше он не помнил ничего.

Очнувшись, он долго не мог совладать со своим телом – его влекло, несло куда-то, по пути закручивая. Артем сперва отнес это на всегдашний эффект алкогольного отравления, но чуть погодя понял, что и в самом деле куда-то движется. Было темно, пробудившийся слух ловил урчание мотора. Артем приподнялся, цепляясь руками за дерматин, сознание возвращалось по крупницам, приступами тошноты и головокружения.

Он понял, что едет в такси на заднем сиденье. Один, если не считать водителя. Включенное радио транслировало рождественское богослужение в Спасо-Преображенском соборе. Почувствовав, что пассажир подает признаки жизни,

водитель сделал радио тише:

– Эй, как там?

– Плохо... – Как раз в этот момент вновь напомнила о себе перистальтика. – Где я? Какой сейчас день?

– Седьмое января тысяча девятьсот девяносто третьего года, четверг. Что еще спросите?

Артем задумался.

– Куда я еду?

– В Пушкин, на вокзал.

– А откуда?

– С Васильевского, с Восьмой линии, там тебя, как бы сказать помягче, погрузили...

– А как я туда попал?

Артем тщетно пытался восстановить недостающие фрагменты в цепи событий.

– Этого уж я знать не могу. Попал и попал, дело прошлое, – таксист, казалось, посмеивался.

– Но мне не надо в Пушкин! – наконец выдавил из себя Артем, мобилизовав все имеющиеся ресурсы – физические и моральные. В ответ таксист расхохотался мелким, рассыпчатым, как горох, смехом:

– Ладно, дружище, сиди себе – дорога оплачена. Мне приключений не надо, пойми: когда пушку к виску ставят, да еще бабки отстегивают по-царски, я тогда как шелковый – кого хочешь спроси. Зачем мне неприятности, правильно? Во. Так что – едем в Пушкин.

Он принялся насвистывать что-то.

Артем посмотрел в окно – ночной невеселый город проступал редкими огнями. Проезжали площадь Победы – в свете прожекторов во все стороны скалились нелепые аникушинские чудовища. «На кой хрен мне туда?» – подумал Артем сквозь очередной приступ тошноты. Затем махнул рукой и вновь откинулся на спинку сиденья: «А впрочем – ладно, в Пушкин – так в Пушкин!»

Юлия Ефременкова

Трамвай в сочельник

В тринадцать лет Саша перестала верить в Деда Мороза, а адресатом новогодних запросов назначила кремлевские часы. Она загадывала им разное: поездку в Париж, музыкальный центр, ботинки «Доктор Мартенс», бесплатное поступление в университет, здоровье для бабушки и влюбленно-го в нее мужчину, который предпочел бы футболу просмотр Акиры Куросавы или чтение Буковски за бутылкой хорошего вина. И не умереть бы, не умереть бы в этих новых годах. Часы на Спасской башне желания исполняли исправно, но как только она переехала в Берлин, оказалось, что границы существуют не только в головах и картах, но и в территории чудес. Возможно, она пила не то шампанское или надо было встречать Новый год с курантами, но по берлинскому времени, или повесить на елку того космонавта, с которым перемигивалась с двух лет. Три года Саша загадывала, что выучит немецкий в совершенстве и напишет роман, про который Дмитрий Быков скажет «бомба», а Галина Юзефович забудет про «Маленькую жизнь». А тот мужчина, который футболу предпочитал просмотр Акиры Куросавы, должен был как-нибудь выйти из бара, заглянуть в книжный магазин и выбрать ее, а не нового Иванова. Немецкий Саша

не выучила, роман не написала, и даже желание «не умереть бы» исполнялось как-то не так. Умирала, несколько раз за три года уже умирала, но все же продолжала просыпаться и выходить из квартиры в Берлин.

Бабушка в детстве пугала Сашу, что та тоже скоро состарится и не заметит жизнь. «Так... Несколько платьев сменяешь, покружишься, в зеркало посмотришься пару раз – и конец». Саша не вслушивалась серьезно в бабушкины монологи о скоротечности дней, но именно в Берлине заметила, что время замедлилось, освободилось, но в итоге пошло быстрее. «Год, два, три. Ну хоть что-нибудь уже выходи. Учись, немецкий, пишишь, роман, живи, Саша, люби мужа, не умирай», – приговаривала она над адвент-календарем за семейным ужином в немецкое Рождество. Родственники мужа в честь такого праздника напивались кипяченым вином, поправляли медальки «За удачную интеграцию в Германии» и готовили Саше экзаменационные вопросы о планах на лето и оставшуюся жизнь.

– Не знаю, – не дожидаясь их реплик, начала она. – Может, кота заведу для моего кота. Или уиппета серого. Нет, детей не хочу. Не знаю, может, в Тарусу поеду или в Таиланд. Не знаю, может, вагеновожатой в Берлине стану или книгу напишу. Вот не учится у меня немецкий. Тошнит уже от него. Три года ему посвятила. Лучшие годы свои!

Муж, из-за которого Саша и оказалась в Германии, за любым застольем с родней всегда уходил в телефон, да так да-

леко, что каждый раз потом уверял, будто ничего не слышал, ничего не помнит и вообще хорошо время провел на сайте Ebay. На этот раз он, видимо, ушел туда же, потому что защищаться перед семейной комиссией не помогал.

– А я говорила, сразу надо было на немецкий вам с Мишей переходить!

– А я говорила, нечего на эти курсы немецкого ходить – в бар пойдешь работать и заговоришь!

– Да что там коты. Вы детей рожать когда будете? А форшмак с оливье совместим? Ты или рожай, или работать давай выходи. Мы тоже там были юристами-экономистами – ничего, перестроились как-то.

– Хумус надо на холодец мазать!

– Ах, Люся! Мы же забыли гуся приготовить! На Рождество немцы едят гуся!

– Ты, Сашка, просто с русскими кончай общаться, и будет все хорошо!

С некоторыми русскими Саша решила закончить общаться прямо сейчас. Не дожидаясь коллективного выковыривания изюма из штоллена и выхода мужа с Ebay, раздраженно хлопнув дверью, она выбежала в унылый двор на границе Марцан – Лихтенберг. Вечный ноябрь, а не Рождество. Вечные панельки. Вечный промозглый дождь. Сбой во времени у нее произошел, возможно, из-за отсутствия зимы. Организм требовал снега и убийства болезнетворных микробов хорошим морозом, но вместо этого серый дождь растекался

по Саше, превращая ее в женщину средних лет с зеленым цветом кожи. Она оглядела празднично украшенные окна в одинаковых домах и почему-то вспомнила школьную подружку Олю, которая не отличалась терпеливостью и любила ставить елку уже в октябре.

– Девушка, простите, но у вас колготки порваны! – обратился к Саше куда-то спешивший и обогнавший ее человек.

– Ви битте? Я не расслышала. Ихь хабе нихьт гехерт.

– Это не очень красиво, девушка. Праздник же! – непонятно, серьезно или шутливо ответил ей мужчина. Сам он был одет весьма нарядно – лаковые ботинки, сиреневый пиджак, бархатная шляпка и шелковый шарф. Наверное, спешил в оперу. Хотя нет, в пухлых руках обнаружился пластиковый пакет с затертой надписью «Лидл», и сжимал он его так, что родственная национальность распознавалась без слов. Так же, видимо, как и Сашины рваные колготки, которые она пыталась замазать лаком для ногтей. Нет, они не в оперу.

Саша услышала грохот трамвая и тоже начала спешить, догонять незнакомца. Ехать Саше, в принципе, было некуда, так как ключи от дома остались у мужа, но об этом она подумала уже в трамвае, который пришел на остановку совершенно пустым. Человек, обеспокоенный Сашиными колготками, сразу уселся у окна, а сама она, растерявшись от такого выбора свободных мест, попробовала то одно, то другое и поплелась к третьему, вспоминая, что надо купить в авто-

мате билет. Хотя неужели в сочельник в трамвае окажется контролер? Святой же праздник.

Трамвай как-то сразу успокоил Сашу, ей стало хорошо от того, что здесь нет ни елки, ни гусей, ни ангелов, ни песен про Святую ночь. Нет никакого Рождества, а скорость движения ускоряет жизнь и замедляет Сашино время. А что, если и правда стать водителем трамвая? Отличная же будет интеграция! Саша Беркович – водитель трамвая. В Подмосковье мечты такие, конечно, в голову ей не приходили, так как в жизни были сплошные маршрутки. «Деньги при входе или при выходе? Дверью не хлопайте. Деньги будете передавать? С тысячи сдачи нет – выходите. Остановите здесь. Нет-нет, вот там!» Водитель трамвая – Саша Беркович. «Во что бы то ни стало мне надо выходить. Нельзя ли у трамвала вокзай остановить?»

– Девушка, да что вы там стоите? Присаживайтесь!

Недавний собеседник чувствовал себя в трамвае как дома. Достал из пакетика «Лидл» вино, бутерброды, фрукт kakі и мандарин.

– Не надо грустить, вот, угощайтесь! У меня такое поганое настроение было – пойти некуда, а спать не хочется. Знаете, так праздники раздражают, тем более чужие. Включил себе «Нелюбовь» Звягинцева, думаю, самое время. Открыл вино, пожарил картошку, а тут звонок: «Дуй, Вася, к нам, у нас Володя Сорокин здесь. И настойку польскую прихвати». Читали Сорокина? Зараза ведь, как все точно угадал. Как все по-

нял заранее. Вот же... Мастер! Помните «Метель»? Текучая бесконечность жизни, которая в любой момент может закончиться в бесконечных русских полях. Дорога чертова... Сожрет тебя, не задумываясь. Только в России такое ощущение, правда? Здесь идешь по жизни прямо, спокойно, и всю жизнь тебе еще фонарики рождественские подсвечивают.

Саша взяла мандарин, фрукт *какі*, возможно, не мыт, вино из горла негигиенично, а бутерброд... Ну, мало ли, в нем берлинские кишечные палочки?

Сорокина Саша несколько раз в Берлине встречала и даже минут десять сжимала его правую руку, после чего год не могла ничего написать, кроме статусов в фейсбуке про тоску по хрустящим огурцам и сочной хурме. Она была уверена, что Сорокин тогда что-то такое с ней проделал, что-то перелил из нее в себя, надавил на точку на указательном пальце, известную только ему, после чего она, как замороженная, как самая послушная из свидетельниц Иеговы, поплелась домой к ноутбуку и стерла полромана, повесть, рассказы о любви. «Вы слишком женственны, слишком хрупки, чтобы писать серьезную прозу, а ерунду за вас напишут и так. Будьте умнее – рожайте красивых детей. Не теряйте время». Но дети по желанию Сорокина никак не рождались – вытекали из Саши кровавыми сгустками, выходили ошметками, похожими на куриную печень. А гинеколог говорил: «У вас слишком низкий гемоглобин, фрау Беркович. Вам нельзя пока детей». А время идет и теряется. Нет ни детей, ни романа. «Ты, Са-

шенька, – говорила бабушка, – скоро тоже состаришься. Не успеешь оглянуться, как подумаешь – да куда же делась вся моя жизнь? Быстрее, время уходит, но эта мысль не даст тебе жить. За что хвататься, чтобы не упустить?»

А что, если часы на Спасской башне не виноваты в том, что не исполняются чудеса? А что, если все дело в Сорокине? Может, это он виноват в том, что время уходит, роман не пишется, а серый дождь разводит по телу старость, как Баба-яга и Кощей Бессмертный колдуют и воруют в сказках Новый год?

– А можно с вами к Сорокину?

– Да пожалуйста, ради бога, поехали. И вообще, давайте сделаем вид, что сегодня Новый год! С новым счастьем!

«Действительно счастье, – подумала Саша, – увидеть Сорокина до Нового года и отрезать ему палец. Загадать желание кремлевским часам и написать, наконец, что-то непохожее на кровавые ошметки неродившихся людей».

– А я Саша Беркович. В Германии три года. По профессии юрист, – рассказывает она о себе механический текст, заученный на бесконечных курсах немецкого.

– А я Василий. В Германии давно. Художник, поэт. Сейчас, правда, паузу в творчестве сделал, на зубного техника учусь.

Василий снимает шляпу, и Саша вспоминает, что встретила его недавно в инстаграме с бокалом вина у Хафеля и на поэтических вечерах, где он читал без всякого выраже-

ния медленные стихи про берлинский марафон. У него тогда тряслись губы, и понять она ничего не могла, так как думала все выступление: «Почему же он не побреется налысо? Зачем трусливо прячется в нелепую шляпу? Вот побрился бы, и совершенно другие пошли бы стихи».

– А вы почему, Василий, паузу в творчестве сделали?

– Да дерьмо я пишу. Раньше ничего, был потенциал. Печатался даже. А потом посмотрел на себя со стороны... Сорокин вот, кстати, сказал, что по моим стихам сразу видно – мне бухгалтерией и налогами заниматься надо. Интонация такая у меня.

– А за руку он вас, Василий, не держал? А гемоглобин у вас как?

Оказалось, что и его Сорокин держал крепко за руку и жал указательный палец, после чего Василия несколько дней рвало, а потом началась бессонница. Домашний врач посоветовал пить ромашковый чай и найти хорошего психотерапевта – наверняка такое самочувствие обусловлено тоской по родине. Психотерапевт прописал Василию таблеточки и физическую активность на свежем воздухе, и нечего писать стихи. Саша хотела высказать предположение, что тоска по родине ни при чем, а все дело в Сорокине. Что Сорокин колдун и с помощью рукопожатия забирает у литераторов талант, а ненаписанные тексты переливает в себя. Не зря же у него во всех книгах стиль такой разный. Саша высказать ничего не успела, так как трамвай остановился на Александерплац,

но не на привычном месте, а напротив деревянного столба с вращающимися ангелами, на который, покачиваясь, мочился высокий парень с цветными дредами. Двери открылись, и парень, одной рукой застегивая ширинку, а другой приветствуя вагоновожатого, вошел в трамвай и сразу объявил:

– Билеты, пожалуйста! Готовьте ваши билеты!

Саша метнулась к выходу, но выбежать не успела. Двери закрылись, а контролер повторил ей в лицо:

– Билеты, пожалуйста! Готовьте билеты!

Он не был похож на контролера и выглядел, скорее, как растаман-дауншифтер из Гоа, который на недельку приехал на родину по делам. В России Саша хвасталась своей проницательностью, сверхспособностью считывать характеры людей, но в Берлине оказалось, что границы существуют не только в головах и картах, но и в таланте видеть личности. Ее дар на немцев не распространялся.

– С праздником, уважаемый! Давайте выпьем! Ваше здоровье! – поднимая бутылку в сторону вошедшего, кричал Василий.

– Ваши билеты, пожалуйста! Где ваши билеты? – монотонно повторял контролер. – Если у вас нет билетов, то я выпишу вам штраф.

– Да иди ты в жопу, какой еще, на хрен, штраф? Сегодня праздник! Давай выпьем! – зазывал Василий, который перестал прикрывать шляпкой лысину, снял шарф и пошел с пакетиком «Лидл» прямо на контролера. Сейчас он не был по-

хож на поэта с Хафеля, а выглядел точно как Колян, Сашин сосед по даче на Рузе, который в алкогольном угаре выходил с топором по лесу погулять и кричал то ли себе, то ли лесу: «Убью, проклятый!»

Это был первый раз, когда Саша попалась контролеру без билета, и первый раз, когда Василий бил человека в лицо. Он и представить не мог, что способен на такое. Хорошо, что бутылка упала и покатила по трамваю в противоположную сторону, что не пришлось ее поднимать над головою контролера, убивать его за грязные дреды и за отказ не выписывать в честь праздника штраф. Василий не видел лица противника: его словно окатило липкой волной с тошнотворным запахом заблеванных станций метро. Стало дурно, а перед глазами, как битые новогодние игрушки, замелькали осколками те неприятные фрагменты, которые Василий гнал обычно из головы в сон. Рыжая мертвая жена смотрит из гроба, ожидая, когда он сдержит обещание и перевезет их с сыном из Воронежа, наконец, в берлинский дом. Только обещал он это до две тысячи двенадцатого года, а теперь-то как? Жена умерла от рака, сын переехал куда-то сам, а он, Василий, бегает в костюме «Пума» на берлинских марафонах и читает об этом стихи. Он бил не в лицо другого человека, он бил в одиночество, бессмысленность, пустоту, неудачливость своей сорокапятилетней жизни. Что-то хрустит, падает – семидесятипятилетняя мама, которую он навещает раз в год, зовет яркими бусами на новогодний «Наполеон», но Василий

не может дойти, — он тонет в гигантском русском поле, которое никогда не перейти, и ничего не понять.

Контролер от неожиданного удара потерял равновесие и покатился вслед за бутылкой, перестал повторять «Билеты, приготовьте ваши билеты, иначе выпишу штраф». Водитель трамвая объявил остановку, открыл двери и выпустил пассажиров у праздничной телебашни, которая переливалась из зеленого в синий, а из синего — в желтый, возносилась острой пикой в темное небо. «Как макушка на странной елке, — подумала Саша, — Берлин же как елка».

— Я шляпу забыл в трамвае, — дрожащим голосом, чуть слышно сказал Василий.

— Да ну ее! Бежим!

Они бежали в сторону Николаифиртель, туда, куда не идет трамвай. Бежали, взявшись за руки, почувствовав себя героями тупого боевика, сбросив несколько лет и множество правил. Пробегая мимо Красной ратуши, Саша заметила, что часы показывают без минуты двенадцать.

— Быть может, немецкое Рождество — это и правда как русский Новый год? Надо загадать желание, следя за стрелкой часов! — предложила Саша. — В Новом году я хочу выучить немецкий, написать роман и остаться живой!

Василий сел на корточки перед часами и зашептал что-то свое.

Ая эН

Я вел себя хорошо и хочу собаку

«Дырагой ДедМороз!» – напечатал Гоша. Программа немедленно подчеркнула весь текст красным, примерно так, как это делала учительница, когда находила ошибку. Только учительница ошибки исправляла, и сразу было понятно, что именно не так. А как понять, глядя на экран? Гоша не знал. Звать старших было нельзя, ведь письмо Гоша сочинял особое, секретное. В прошлом году ему помогала мама, и что в итоге? В итоге вместо настоящей собаки он получил в подарок на Новый год заводного пуделя! А все потому, что мама торопилась и они не уточнили – «настоящую». Вот Дед Мороз и не понял.

– Не-е-ет уж! – прошептал Гоша. – На этот раз я сам. И опишу подробно. Тогда сработает!

Он внимательно перечитал написанное, по буквам, и сам все исправил: «ы» на «о» заменил и пробел между словами «Дед» и «Мороз» вставил. Дальше пошло легче. Вскоре получилось вот что...

Дорогой Дед Мороз!

Меня зовут Гоша. Я учусь во 2 классе. Я вел себя очень хорошо и потому хочу на Новый год собаку. Только обязательно настоящую. Живую! Чтобы с ней

*можно было гулять. Чтобы ее можно было кормить.
Я буду о ней заботиться, обещаю! Всегда, всегда.*

За окном темнело. Снежинки приземлялись на подоконник, но их тут же сдувало ветром. Родители уехали за продуктами, и в доме было тихо-тихо.

Гоша перечитал письмо и остался доволен: все написано четко и ясно. Теперь остается распечатать на принтере, положить в конверт и бросить в почтовый ящик. Мишка Павликов, сосед по парте, сказал, что по электронной почте тоже можно. Но Гоша не знал, как это делается, так что решил старым, проверенным способом.

Обычной почтой, конечно, дольше. Особенно если учесть, что Дед живет далеко от их города...

Гоша посмотрел на дату в нижнем углу экрана: 12 декабря. Успеет дойти? А вдруг нет? А вдруг дойдет в последний день, и собаки кончатся? Гоша тяжело вздохнул и дописал:

*Дорогой Дед Мороз! Если вдруг у тебя закончатся
все собаки, ничего. Я согласен на кошку. Главное, чтобы
она была нормальная, а не игрушечная. Кошку тоже
можно кормить. И гладить.*

– Теперь точно все! – прошептал Гоша. – Только в конце надо написать «Целую, Гоша» или лучше «До свидания, твой Гоша». Да!

Он начал писать «до свида...», но вдруг его пронзила ужасная мысль: кошки тоже могут кончиться! Вдруг Дедушка получит письмо прямо перед самым-самым праздником?

Гоша закусил губу и продолжил:

Дедушка, если кошек тоже не останется в наличии, подари мне кого-нибудь другого, только обязательно живого. Медведя не надо, чтобы мама не испугалась. А енота или мартышку можно.

До свидания!

Твой Гоша

На улице совсем стемнело, зажглись фонари, и желтые лучи пробивались сквозь черные ветви деревьев, обещая волшебное, счастливое будущее. Папиной машины пока не было видно, но с минуты на минуту она могла появиться.

Не откладывая в долгий ящик, Гоша распечатал письмо, сунул его в заранее подготовленный конверт, а конверт – в карман куртки. Он успел выйти из программы и загрузить любимую игру прежде, чем вернулись груженные пакетами родители. Секрет удалось сохранить.

На следующий день Гоша опустил письмо в почтовый ящик. Теперь оставалось только ждать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.